

A man with a beard and dark hair is shown from the chest up, looking down towards a woman and a young girl. His right hand is raised, palm facing forward, in a gesture of openness or reaching out. The woman and girl are in the lower left, looking up at him. The woman is smiling and has her arm around the girl's shoulder. The girl has a braid and is looking down with a sad expression. The background is a plain, light grey.

Дара Вейн

**Свет, который
зажгла сама**

Дара Вейн

Свет, который зажгла сама

«Автор»

2026

Вейн Д.

Свет, который зажгла сама / Д. Вейн — «Автор», 2026

Варя растёт в доме, где отец — полицейский, уважаемый на работе, но тиран дома. Мать-учительница годами терпит и молчит. Девочка учится выживать в тишине, которая давит сильнее крика, и держится на воспоминаниях о другом отце — том, кто приносил апельсины, сидел с фонариком и говорил: «Свет сильнее темноты». Шаг за шагом Варя находит опору: заступается за одноклассницу, поддерживает мать, впервые говорит правду школьному психологу. Мать набирается смелости, уходит через суд и начинает жизнь заново — становится завучем школы. Это история о том, как маленькие поступки — монета в кармане, чужое «хватит», мамина чашка без рисунка — складываются в жизнь, где больше не страшно

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Свет, который зажгла сама

Глава 1. Форма и тишина

Варя знала: когда отец в форме — это хуже всего. Форма делала его не просто папой, а «представителем закона», и от этого его голос звучал весомее, а тишина в доме становилась особенно тяжёлой, будто стены сами боялись скрипнуть.

В тот день он пришёл раньше обычного. Варя услышала шаги на лестничной клетке и сразу поняла — он не в настроении. У него были такие шаги: не обычные, а будто он специально стучал каблуками, чтобы все знали, что он идёт. Мама, сидевшая за кухонным столом с тетрадями для проверки, резко подняла голову, потом так же резко опустила, будто хотела спрятаться за обложкой.

— Варя, убери со стола, — тихо сказала она, не глядя на дверь.

Варя метнулась к столу, схватила чашку, которую только что допила, и поставила в раковину. Чашка звякнула. Слишком громко. Варя замерла.

Ключ повернулся в замке.

Дверь распахнулась. Отец вошёл, снял фуражку, провёл ладонью по волосам, будто стирая с себя город, улицы, чужие лица, и теперь оставался только он — и дом, который должен был ему подчиняться.

— Чего грохочете? — бросил он, не глядя ни на кого конкретно, но от этого становилось ещё страшнее: будто весь дом был виноват.

Мама не подняла глаз.

— Прости, я не хотела, — прошептала Варя, хотя не знала, за что именно извиняется: за чашку, за то, что дышит, за то, что вообще есть.

Отец хмыкнул и прошёл в комнату. Варя стояла у раковины, вцепившись пальцами в край, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Ей хотелось стать маленькой, незаметной, такой, чтобы её можно было не замечать, как пыль в углу.

На стене висела фотография: они втроём, улыбаются, мама в лёгком платье, отец в выходной одежде, Варя с бантом. Она ненавидела эту фотографию. Потому что она врала. На ней они были семьёй. А семья — это когда не страшно.

Мама наконец подняла глаза и посмотрела прямо на Варю. В этом взгляде было столько тихого, почти беззвучного «держись», что Варя чуть не заплакала. Но плакать нельзя. Плач злил отца сильнее всего.

— Иди уроки делай, — одними губами сказала мама.

Варя кивнула и попятилась к своей комнате. По дороге она зацепилась ногой за край коврика, чуть не упала, но удержалась. И только закрыв за собой дверь и прислонившись к ней спиной, позволила себе один короткий, беззвучный вдох.

Она села на кровать, достала тетрадь, ручку, но не могла вспомнить, какое у неё было домашнее задание. В голове шумело, как перед грозой. Варя смотрела на строчки в тетради, ровные, аккуратные, будто из другого мира, где всё просто: задача, решение, ответ. Где не нужно угадывать, какой шаг разозлит того, кто сильнее.

За стеной отец что-то говорил маме. Голос был негромким, но от этой сдержанности становилось только хуже. Громкие крики можно было спрятать под подушкой. А этот тихий, тяжёлый голос проникал сквозь стены, сквозь кости, оседал где-то внутри, как пыль.

Варя взяла ручку и начала писать. Не домашнее задание, а просто слова, чтобы не слышать.

«Сегодня было тихо. Сегодня меня не заметили. Сегодня я выжила».

Она выводила буквы медленно, стараясь, чтобы они были ровными. Как будто, если буквы будут ровными, то и день станет чуть-чуть правильнее.

Глава 2. Тот самый апельсин

Варя сидела на своей кровати, прижав колени к груди, и смотрела в тёмный угол комнаты, будто оттуда вот-вот должна была появиться прежняя жизнь — та, где всё было по-другому. Она закрыла глаза и потянула из памяти самое тёплое, самое настоящее.

Тогда ей было лет шесть, не больше. Отец ещё не ходил по дому тяжёлыми шагами. Он вообще редко бывал дома: дежурства, смены, какие-то срочные выезды. Но когда он приезжал, это был праздник.

Варя помнила тот вечер, когда он вернулся после трёх суток на работе. Она не спала, хотя мама строго велела лежать тихо и не шуметь: «Папа устал, ему нужно отдохнуть». Но Варя не могла. Она лежала, слушала тишину квартиры и ждала этого звука — скрежета ключа в замке, который тогда не пугал, а радовал.

Он вошёл, пахнувший улицей, морозом и чем-то чужим, городским, и сразу увидел её в коридоре — она стояла в пижаме с котиками, босиком, и не знала, можно ли броситься на шею.

Отец улыбнулся. Не той жёсткой, натянутой улыбкой, которая потом поселилась у него на лице, а настоящей — с морщинками в уголках глаз.

— Ну что, дозорная, — сказал он и поднял её на руки так легко, будто она ничего не весила. — Сторожила дом?

Варя закивала, пряча лицо у него в плече, и вдыхала этот запах, который тогда казался самым надёжным в мире.

А потом он достал из кармана куртки апельсин. Не какой-нибудь красивый, глянцевый, а обычный, чуть помятый, с шершавой кожурой. Но для Вари он был сокровищем.

— Это тебе. За службу, — пошутил отец и сел на кухне, уставший, но спокойный.

Мама тогда улыбнулась, поставила перед ним тарелку, налила чай, и в квартире стало как будто светлее, даже несмотря на то, что за окном уже давно стемнело.

Варя чистила апельсин дрожащими от нетерпения пальцами, и дольки пахли так сильно, что казалось, будто в комнате распустились цветы. Отец рассказывал про город, про то, как он его охраняет, про людей, которым помог, про смешное и грустное, что видел за эти дни. Варя слушала, раскрыв рот, и верила каждому слову: её папа — самый сильный, самый справедливый, он защищает всех.

Даже маму.

Она тогда смотрела на маму и видела, как та слушает отца, чуть склонив голову, и в её взгляде было столько гордости, что Варе хотелось тоже быть такой — чтобы когда-нибудь кто-то вот так же смотрел на неё.

И Варя думала: вот это и есть семья. Когда кто-то приходит с холода, садится за стол, и все рядом. Когда пахнет апельсином, и никто не боится сказать лишнее слово, потому что лишнее слово просто не станет страшным.

Сейчас Варя провела пальцем по обложке старой тетради, будто пытаясь стряхнуть с неё пыль того вечера. Память была как тонкая плёнка: если слишком сильно надавить, она порвётся, и останется только пустота.

Но если касаться осторожно, можно было снова почувствовать тот апельсин, услышать тихий голос отца, который ещё не умел злиться на весь мир.

«Когда это началось?» — думала Варя, и не могла найти точку, где всё сломалось. Не было одного дня, когда папа вдруг стал другим. Это происходило по частям: сначала он стал приходить позже и молчать дольше. Потом в его молчании появилась тяжесть. Потом он начал говорить коротко, резко, будто каждое слово было приказом. А потом приказы стали звучать и дома.

Однажды Варя спросила маму:

— А почему папа теперь всё время сердится?

Мама замерла с тряпкой в руке, посмотрела на дверь, будто проверяя, не слышит ли кто, и тихо ответила:

— Работа у него тяжёлая, Варюша. Он видит столько несправедливости, столько зла... Иногда это остаётся с ним, когда он приходит домой.

Варе тогда хотелось возразить: «Но ведь он же полицейский! Он должен побеждать зло, а не приносить его сюда!» Но она промолчала. Потому что поняла: мама сама боится этого ответа.

Теперь Варя знала: зло не всегда приходит снаружи. Иногда оно приходит с работы, в форме, с уставшими глазами и тяжёлыми шагами. И самое страшное — это когда ты помнишь, каким человек был раньше, и не можешь понять, куда делся тот, добрый, который приносил апельсины.

Она снова взяла ручку и вывела на чистом листе:

«Раньше папа приносил апельсины. Раньше мама улыбалась, когда он приходил. Раньше я не боялась звука ключа в замке».

Буквы получались неровными, дрожащими, но Варя не стирала их. Пусть будут. Пусть останутся как доказательство, что когда-то в этом доме было тепло.

Глава 3. Осколок тишины

Настоящее.

В квартире было тихо, но эта тишина не была доброй. Она давила, будто дом сам старался не дышать, чтобы не разозлить того, кто сейчас сидел в комнате и листал газету, шурша страницами так громко, словно хотел доказать, что имеет право шуметь.

Варя стояла у окна и смотрела на двор. Там, внизу, мальчишки гоняли мяч, кричали, смеялись — и этот смех долетал до третьего этажа, как что-то из другого мира. Варя ловила эти звуки и прятала их внутри, как прячут под подушку конфету, чтобы съесть потом, когда станет совсем плохо.

Мама сидела на кухне, проверяла тетради. Варя видела её через приоткрытую дверь: голова чуть наклонена, брови сдвинуты, ручка в руке двигается быстро, привычно. Но в этом привычном движении чувствовалась усталость — не просто от работы, а от того, что нужно быть сильной, когда сил уже нет.

Отец отложил газету, встал, прошёл по коридору. Его шаги были тяжёлыми, нарочито чёткими. Варя вжалась спиной в стену, будто хотела стать частью обоев, слиться с узором, исчезнуть.

— Чего стоишь? — бросил он, не глядя на неё. — Не стой столбом.

— Я... я просто смотрела, — прошептала Варя.

— Смотри дома. На уроки смотри.

Он прошёл дальше, хлопнул дверцей шкафа, будто даже вещи должны были знать своё место.

Варя сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она снова вспомнила: раньше он не говорил «не стой столбом». Раньше он говорил: «Ну-ка, покажи, что видишь из окна? Расскажи». И она рассказывала про голубя, который сел на карниз, про девочку с красным шарфом, про то, как солнце ложится на асфальт. А он слушал, будто это было важно.

Сейчас слушать было некому.

Глава 4. Дождь и фонарик

Воспоминание.

Тогда шёл дождь. Не тихий осенний, а настоящий, шумный, когда капли барабанят по крышам, будто хотят разбудить весь город. Варе было лет семь, и она боялась грозы. Не самой молнии, а того, что дом станет слишком большим и пустым, если мама уйдёт в школу, а папа — на дежурство.

Но в тот вечер папа не ушёл. Он пришёл пораньше, снял форму, повесил её аккуратно, как всегда, и сказал:

— Ну что, боец, гроза?

Варя кивнула, пряча лицо в коленки.

— Тогда надо её победить, — спокойно сказал он и достал из ящика маленький фонарик.

— Смотри: у нас есть свет. А свет всегда сильнее темноты.

Они сели на полу в коридоре, где было не так слышно гром, и папа рассказывал истории. Не про преступников и погони, а про то, как в детстве он сам боялся темноты и как его папа говорил: «Ты не один, слышишь? Ты не один».

Варя держала фонарик, направляя луч на стену, и видела, как по обоям бегут жёлтые круги. Ей казалось, что эти круги — как маленькие щиты, которые защищают их троих.

Мама принесла какао в кружках с зайцами, села рядом, обняла Варю за плечи, и в этой тесноте, в тёплом запахе какао и папиного свитера, страх становился маленьким, почти незаметным.

— Знаешь, — тихо сказал папа, глядя на луч фонарика, — самое главное, чтобы рядом был кто-то, кто не даст темноте победить. Даже если снаружи всё шумит.

Варя тогда крепко-крепко сжала его руку и подумала: «Пусть он всегда будет рядом. Пусть он всегда будет таким».

Глава 5. Пустая полка

Настоящее.

Полка в прихожей была почти пустой. Только одна вешалка с отцовской формой, фуражка на крючке — и всё. Раньше там висели мамины шарфы, папин старый свитер, Варина курточка с капюшоном, которую она давно переросла, но всё никак не решалась убрать: вдруг снова станет маленькой и захочется надеть её снова.

Теперь куртки не было. Мама сказала: «Пора», и убрала. Варя не спорила, но каждый раз, проходя мимо, смотрела на пустое место и чувствовала, будто из дома вынесли что-то тёплое.

Сегодня отец собирался на дежурство. Он застёгивал пуговицы на форме, смотрел в зеркало, поправлял фуражку — и в этом жесте было столько отстранённости, будто он надевал не форму, а броню, чтобы выйти в мир и не чувствовать ничего.

Варя стояла в дверях комнаты и смотрела на него. Ей хотелось сказать: «Помнишь, как ты приносил апельсины? Помнишь, как мы сидели с фонариком?» Но слова застревали в горле, потому что она знала: если сказать это сейчас, он либо не услышит, либо разозлится.

— Чего смотришь? — спросил он, не поворачиваясь.

— Ничего, — быстро ответила Варя и опустила глаза.

Он хмыкнул, взял ключи, открыл дверь. На секунду Варя увидела лестничную клетку, полоску света из окна на площадке, услышала чей-то далёкий смех — и на мгновение ей показалось, что мир за дверью всё ещё нормальный. Что там люди смеются, пьют какао, держат друг друга за руки и побеждают темноту фонариками.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок.

Тишина вернулась.

Мама вышла из кухни, посмотрела на закрытую дверь, потом на Варю. В её глазах было столько невысказанного, что Варе захотелось подбежать, обнять её и сказать: «Мы справимся. Мы не одни». Но она не подбежала. Потому что знала: мама и так всё знает. И всё равно ничего не может сделать.

Глава 6. Пирожок с вишней

Воспоминание.

Это был выходной. Редкий, настоящий выходной, когда папа никуда не уходил, а мама не проверяла тетради до полуночи. Они пошли втроём в булочную на углу. Варя помнила каждую

деталь: запах свежего хлеба, витрину с пирожками, мамину руку, крепко державшую её ладонь, папину улыбку, когда он сказал:

— Выбирай любой. Сегодня можно всё.

Варя долго стояла, прижимаясь носом к стеклу, и не могла решить: с капустой или с вишней? С вишней было красивее, но с капустой — привычнее.

Папа наклонился к ней и тихо сказал:

— Иногда можно выбрать красивое. Даже если боишься, что не понравится.

Она выбрала с вишней. И он купил ещё два: маме с яблоком, себе с капустой. Они сели на скамейку во дворе, развернули бумагу, и Варя откусила пирожок, и вишня брызнула сладким соком, и это было так вкусно, что она рассмеялась.

Папа тоже смеялся. И мама смеялась. И Варя тогда подумала: вот оно, счастье — когда все смеются над одним и тем же, и никому не нужно объяснять, почему это смешно.

Потом они шли домой, и папа нёс пустую упаковку, а Варя держала его за палец — не за всю руку, а только за один палец, но ей казалось, что этого достаточно, чтобы ничего плохого не случилось.

Глава 7. Пирожок с вишней

Настоящее.

Магазин был тесным, пах мукой, дешёвым кофе и чем-то затхлым, будто старые запахи никак не могли выветриться из углов. Варя стояла у витрины с выпечкой и смотрела на пирожки, плотно уложенные на подносе. Среди них был тот самый — с вишней, чуть приплюснутый, с золотистой корочкой, точно такой же, как в воспоминании.

Варя сжала в кармане мелочь, которую мама дала на хлеб. Монеты были холодные и тяжёлые, они неприятно впивались в кожу. Она знала: хлеба нет в списке того, что можно купить «для себя». Но пирожок стоил недорого. Почти ровно столько, сколько у неё было.

Продавщица, женщина с усталым лицом и ярким бейджем, посмотрела на Варю сверху вниз:

— Чего-то надо?

Варя открыла рот, но слова не шли. Она снова видела тот двор, скамейку, мамину руку, папину улыбку. И тут же — как эта улыбка потом исчезла, как смех стал чем-то опасным, как тишина в доме сделалась громче любого крика.

— Пирожок... с вишней, — наконец прошептала она.

Продавщица кивнула, ловко подхватила пирожок щипцами, положила в бумажный пакетик и протянула Варе.

— Держи. С тебя двадцать пять.

Варя высыпала монеты на прилавок, пересчитывать не стала — боялась, что не хватит. Но хватило. Продавщица звякнула кассой, сунула Варе сдачу, та схватила пакетик и вышла, будто боялась, что её остановят и скажут: «А ну-ка верни, ты не имеешь права радоваться».

На улице было холодно, ветер забирался под куртку, трепал волосы. Варя остановилась у стены магазина, прислонилась к шершавому кирпичу и посмотрела на пакетик. Он был простой, серый, без картинок, но внутри лежал кусочек того самого дня.

Она развернула бумагу. Пирожок пах вишней и жареным тестом, и этот запах ударил прямо в память, как вспышка. Варя вспомнила, как сок брызнул ей на пальцы, как папа сказал: «Ну вот, теперь ты в ягодном камуфляже», и как мама смеялась, прикрывая рот ладонью.

Рука дрогнула. Варя поднесла пирожок ко рту, но не смогла откусить. Потому что если она его съест, то это будет не просто пирожок. Это будет попытка вернуть то, чего больше нет. А если она попробует вернуть, то поймёт, что вернуть нельзя.

Вместо этого она завернула пирожок обратно, аккуратно, чтобы не помять, и положила в карман. Пусть лежит. Пусть будет как талисман, который нельзя использовать, потому что он слишком хрупкий.

По дороге домой Варя шла медленно, стараясь не трясти карман. Ей казалось, что если идти осторожно, то воспоминание не рассыплется.

Когда она вошла в квартиру, мама сидела на кухне, всё так же проверяла тетради. Под глазами у неё залегли тени, а пальцы сжимали ручку слишком крепко, будто она пыталась удержать не строчки, а саму тишину в доме.

— Ты долго, — тихо сказала мама, не поднимая головы.

— Я... хлеб искала. Не было хорошего, — соврала Варя.

Мама кивнула, будто и не ждала правды.

В коридоре щёлкнул замок. Варя замерла. Ключ повернулся, дверь открылась. Отец вернулся.

Он прошёл мимо, не глядя, бросил ключи на полку, снял фуражку. В воздухе сразу повисло напряжение, как электрический запах перед грозой.

— Ужин готов? — спросил он, и в этом вопросе не было благодарности, только ожидание, что всё должно быть на своих местах.

— Сейчас, — ответила мама и встала, будто её подняли по команде.

Варя попятилась к своей комнате. В кармане пирожок лежал, тяжёлый, как камень. Она закрыла дверь, села на кровать, достала его, снова развернула. Теперь он казался не красивым, а просто выпечкой из дешёвого магазина — суховатой, с кисловатой начинкой.

Варя смотрела на него и думала: раньше вишня была чудом. А теперь чудо не работает.

Она отломил маленький кусочек и положила в рот. Вкус был не тот. Или, может быть, тот, но она теперь была другой. И от этого вкус стал горьким, хотя в начинке не было ни капли горечи.

Варя проглотила этот кусочек, будто проглотила обещание, которое не смогла сдержать: «Я буду помнить, как было хорошо». Потом завернула остаток и положила на тумбочку. Пусть лежит. Как доказательство, что она пыталась.

За стеной отец что-то говорил маме, голос был ровным, но от этой ровности становилось только страшнее. Варя прижала ладони к ушам, но звук всё равно просачивался сквозь стены, сквозь кости.

И тогда она тихо, одними губами, прошептала то, что когда-то папа говорил ей про фонарик:

— Свет сильнее темноты.

Только теперь это было не про фонарик. Это было про то, что где-то внутри у неё всё ещё есть память о хорошем. И пока она её помнит, темнота не победила до конца.

Глава 8. Тень на стене

Настоящее.

Варя сидела на полу у своей кровати, подтянув колени к подбородку, и смотрела, как вечер медленно съедает комнату. Тени становились длиннее, забирались в углы, сливались друг с другом — и Варе вдруг вспомнилось, как папа когда-то говорил про фонарик: «Свет сильнее темноты».

Фонарика у неё теперь не было. Да и включать свет лишний раз не хотелось: в освещённой комнате всё становилось слишком заметным — и смятое одеяло, и стопка учебников, которые она никак не могла открыть, и пустая тумбочка, где раньше лежал маленький плюшевый кот, а теперь лежал недоеденный пирожок.

Она протянула руку, коснулась бумажного пакетика. Пирожок уже не пах так сильно, будто запах потихоньку выдыхался, уходил, оставляя только сухое тесто и тихую горечь. Варя не стала его есть. Просто посидела, держа пакетик в ладони, как держат что-то хрупкое, что нельзя уронить.

За стеной отец разговаривал с мамой. Не кричал, не стучал — просто говорил тем ровным, тяжёлым голосом, от которого в груди становилось тесно. Варя знала эту интонацию: она

означала, что мама сейчас будет кивать, соглашаться, говорить «да, конечно», а потом, когда он уйдёт в комнату или ляжет спать, будет сидеть на кухне и смотреть в одну точку, пока чай остынет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.